

НИКОЛАС
СПАРКС

НИКОЛАС
СПАРКС

Взгляни на меня

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С71

Серия «Спаркс: чудо любви»

Nicholas Sparks

SEE ME

Перевод с английского *В. С. Сергеевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 Взгляни на меня : [роман] / Николас Спаркс ; [пер.
с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 480 с. — (Спаркс: чудо любви).

ISBN 978-5-17-094079-0

Новый мировой бестселлер от короля романтической прозы
Николааса Спаркса!

История страсти, одержимости, переоценки ценностей
и любви, преодолевающей любые преграды!

Колин Хэнкок за свои двадцать восемь лет совершил немало ошибок, но все же нашел в себе силы отступить от самого края пропасти. Теперь его жизнь — это учеба, работа, спорт и никаких серьезных отношений. Но случайная встреча с обаятельной Марией Санчес меняет все — у них обоих появляется надежда стать счастливыми.

Однако прошлое Марии внезапно напоминает о себе — над ее жизнью нависает угроза.

На что пойдет Колин, чтобы защитить женщину, которую он по-настоящему любит?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Willow Holdings, Inc., 2015
© Перевод. В. С. Сергеева, 2016
ISBN 978-5-17-094079-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Он провел в Уилмингтоне всего один день — и понял, что в этом городе он ни за что не остался бы навсегда. Город наводнили туристы. Казалось, что город строили без предварительного плана. Хотя в историческом центре, как он и предполагал, были дома, обшитые деревом, с верандами, колоннами и раскидистыми магнолиями во дворах, очаровательные старые районы постепенно сменялись коммерческой застройкой — торговыми центрами, магазинами, сетевыми ресторанами, автосалонами. По улицам бесконечной вереницей ехали машины. Летом находиться в этом городе было практически невыносимо.

Но на территории Уилмингтонского университета его ожидал приятный сюрприз. Он думал, что кампус застроен безобразными зданиями в духе шестидесятых-семидесятых годов. Действительно, там стояли такие корпуса, особенно по краям, но центральная площадь оказалась настоящим оазисом — сплошь тенистые дорожки, аккуратные газоны, георгианские колонны, как в Хоггарде и Кенан-Холлз, и кирпичные фасады, блестящие в лучах заходящего солнца.

Центральная лужайка ему тоже понравилась. Там стояла башня с часами. Приблизившись, он увидел ее отражение в пруду — неразличимое глазом время на циферблате. Сидя с открытой тетрадью на коленях, он мог наблюдать за происходившим вокруг и оставаться невидимым для студентов, которые бродили по лужайке, погруженные в собственные мысли.

Стояла теплая для конца сентября погода, студенты расхаживали в шортах и футболках. Он задумался: а в каком виде они ходят на занятия? Как и другие, он пришел сюда учиться. За три дня он побывал в кампусе трижды, но вокруг было слишком людно. Слишком много возможных свидетелей. А он не хотел, чтобы его запомнили. Он подумал, не перебраться ли в другое место, но наконец решил, что для этого нет причины. Судя по всему, его присутствие никого не смущало.

Он был близко, очень близко, но пока следовало набраться терпения. Он сделал глубокий вдох и задержал дыхание, прежде чем наконец выдохнул. Несколько человек с сумками на плечах шагали на лекцию, но в это время дня их превосходили числом другие, спешившие навстречу веселым выходным. Повсюду по трое и четверо студенты сидели, болтая и попивая что-то из бутылок — вероятно, спиртное. Двое парней спортивного вида перебрасывались фрисби, а в стороне беседовали их подружки. Еще он заметил молодую пару — парня и девушку. Они оживленно спорили, девушка раскраснелась. Потом оттолкнула парня. Наблюдатель улыбнулся, отдавая дань уважения ее гневу — и тому, что, в отличие от него, она могла не скрывать свои чувства. Чуть подалее еще одна компания играла в футбол.

Он догадывался, что многие студенты собирались провести нынешний вечер в городе. В студенческих клубах. В барах. Для большинства выходные начинались сегодня, поскольку в пятницу даже не у всех были занятия. Он удивился, когда впервые узнал это; он думал, что, учитывая высокую стоимость университетского образования, студенты предпочтут провести побольше времени в аудиториях, с преподавателями, вместе того чтобы гулять три дня подряд. Но, видимо, такой график устраивал и студентов, и профессоров. В наши дни все хотят как можно меньше утруждаться и прикладывать минимум усилий. Как говорится, ищут легкий путь.

«Да, — подумал он. — Именно так здесь учились. Молодежь убеждалась, что незачем принимать непростые ре-

шения или делать правильный выбор, особенно если он повлечет за собой лишнюю нагрузку. Зачем учиться, зачем тратить силы в попытках изменить мир в пятницу вечером, когда можно сидеть и наслаждаться им?»

Он гадал, многие ли здесь вообще задумываются о будущей жизни. Вот Кэсси задумалась, да. Она постоянно думала о будущем. Строила планы. К семнадцати годам она уже все спланировала, но, помнится, говорила об этом как-то неохотно. Ему казалось, что она была недостаточно в себе уверена. Иначе с какой стати ей было принимать именно такие решения?

Он пытался помочь Кэсси. Он сделал все правильно, по закону, написал заявление в полицию, даже поговорил с заместителем окружного прокурора. До тех пор он верил в законы общества. Он наивно надеялся, что добро торжествует над злом, что опасность удастся преодолеть, а ситуацию — удержать под контролем. Правила и законы оберегают человека от неприятностей. Кэсси тоже так думала — в конце концов, разве не этому учат детей с малых лет? Вот почему родители говорят: смотри направо и налево, когда переходишь дорогу. Не садись в машину к незнакомым людям. Чисти зубы. Ешь больше овощей. Пристегни ремень безопасности. Список правил, которые защищают нас, можно продолжать без конца.

Но он понял, что правила тоже бывают опасны. Они касаются средних величин, а не чрезвычайных ситуаций. Если люди с детства приучены следовать правилам, они привыкают их выполнять слепо. Подчиняться системе. Гораздо проще не беспокоиться о случайностях. То есть людям даже и не нужно думать о возможных последствиях; солнечным вечером в пятницу они могут запускать фрисби, ни о чем не волнуясь.

Опыт — самый жестокий учитель. Последние два года он мог думать только о полученных уроках. Пережитое чуть не убило его, но постепенно начала появляться ясность. Кэсси знала об опасности. Он предупредил ее, что может случиться. Но она беспокоилась только о том, чтобы следовать правилам, потому что это было удобно.

Посмотрев на часы, он понял, что пора идти. Он закрыл тетрадь, поднялся и огляделся — не заметил ли его кто-нибудь? Нет, не заметил. Он пошел через лужайку, держа под мышкой тетрадь. В кармане лежало написанное им письмо. Возле здания естественно-научного факультета он подошел к почтовому ящику, сунул письмо в щель и подождал; вскоре, минута в минуту, в дверях появилась Серена.

Он уже многое про нее знал. В наше время почти у каждой девушки есть аккаунт на «Фейсбуке», «Твиттере» и «Инстаграме» — они выставляют свою жизнь напоказ, для всех, кому не лень за ней наблюдать. Что им нравится, с кем они дружат, как проводят время... Из поста на «Фейсбуке» он знал, что Серена в воскресенье ездила с сестрой обедать к родителям. Глядя, как она шагала впереди, с распущенными темными волосами ниже плеч, он вновь подумал, какая она красивая. Серена обладала природным изяществом, и парни, мимо которых она проходила, игриво улыбались, хотя девушка, увлеченная разговором, ничего не замечала. Она шла с однокурсницей, низенькой коренастой блондинкой. Они вместе ходили на семинар по педагогике. Он знал, что Серена хотела работать учительницей в начальной школе. У нее были планы. Как у Кэсси.

Он держался на расстоянии, воодушевленный энергией, которую чувствовал в ее присутствии. Энергией, которую он теплил в себе последние два года. Серена и понятия не имела, как близко он подобрался и что мог сделать. Она никогда не оборачивалась — да и зачем? Он был никто, всего лишь лицо в толпе...

Наверное, она делилась с блондинкой планами на выходные, где собиралась побывать и с кем хотела увидеться. Он намеревался присоединиться в воскресенье к семейному обеду, хотя и не в качестве гостя. Он планировал наблюдать за ними из соседнего дома, стоявшего на улочке, где жили в основном небогатые люди. Дом пустовал уже месяц — хозяева не смогли заплатить по закладной, — но его еще не выставили на продажу. Хотя на двери висел прочный замок, он без труда забирался внутрь через боковое ок-

но. Он выяснил, что из спальни видно соседнюю веранду и кухню.

В воскресенье он будет свидетелем того, как смеется и шутит дружная семья, сидя за столом.

Про каждого он что-то знал. Феликс Санчес — классический иммигрант, добившийся успеха. Газетная вырезка, гордо вывешенная напоказ в ресторане, повествовала о том, как он подростком нелегально приехал в Америку, не зная ни слова по-английски, и начал мыть посуду в местной закуской. Через пятнадцать лет, получив гражданство, он сэкономил достаточно денег, чтобы открыть собственное кафе в торговом центре под названием «Семейная кухня», где готовили блюда по рецептам его жены Кармен. Она готовила, а он делал все остальное — особенно на первых порах. Понемногу предприятие расширилось, и ресторан Санчеса стал одним из лучших в городе. Хотя там работало около двадцати человек, большинство приходилось ему родственниками, — заведение оставалось семейным. В ресторане по-прежнему трудились сами родители, а Серена трижды в неделю подрабатывала официанткой, как некогда ее старшая сестра Мария. Феликс был членом Торговой палаты и «Ротари-клуба»; каждое воскресенье, в семь часов, они с женой ходили на мессу в церковь Девы Марии, где он состоял дьяконом.

Кармен представляла собой загадку: он знал только, что она до сих пор лучше говорила по-испански, чем по-английски. Как и муж, она гордилась тем, что Мария первой в семье получила высшее образование.

А что касалось Марии...

Он еще не видел ее в Уилмингтоне: она на несколько дней уехала на юридическую конференцию. Но он прекрасно знал Марию. В прошлом, когда она жила в Шарлотте, он много раз с ней виделся. Говорил. Пытался убедить девушку, что она ошибается. В конце концов она заставила его страдать, как никто другой, и он возненавидел ее за это.

Когда Серена помахала подруге на прощание и зашагала к парковке, он пошел прямо. Незачем было идти за ней,

и ему вполне хватало осознания того, что он увидит маленькую, но счастливую семью в воскресенье. Особенно Марию. Мария, пожалуй, превосходила красотой сестру, хотя, честно говоря, в этом повезло обоим. Он попытался представить, как они — темноглазые, идеально сложенные — сидят рядышком за столом. Несмотря на разницу в семь лет, многие сочли бы их двойняшками. И все-таки они отличались. Серена любила повеселиться. А Мария всегда была тихой и целеустремленной, серьезной и прилежной. Но тем не менее они дружили. Не только сестры, но и лучшие подруги. Наверное, Серена видела в Марии пример для подражания, и наоборот.

У него мурашки побежали при мысли о выходных. Он не исключал, что этому семейному сборищу предстояло стать одним из последних событий, хоть немного похожих на нормальную жизнь. И он хотел видеть, как они ведут себя, пока внутреннее напряжение еще не начало разъедать счастливую семью изнутри. Пока в ней не поселился страх. Пока их жизни не покатились под откос, сначала медленно, а затем все стремительнее.

В конце концов, он приехал сюда с определенной целью, и у нее было название.

Мечь.

Глава 1

Колин

Колин Хэнкок стоял над раковиной в туалете, задрал рубашку, чтобы получше рассмотреть кровоподтек на ребрах. К завтрашнему утру он наверняка станет темно-фиолетовым. Потрогав синяк, он поморщился. Хотя Колин знал по опыту, что некоторое время боль можно терпеть, он все-таки задумался, каково будет дышать завтра утром.

А вот лицо...

Из-за этого могли начаться проблемы — не у него, а у других. Одноруппники, конечно, завтра испуганно уставятся на него и будут перешептываться за спиной. Правда, Колин сомневался, что хоть кто-то рискнет спросить о произошедшем. С начала семестра прошло несколько недель, и большинство его сокурсников казались довольно приятными людьми, но, очевидно, никто из них не знал, как воспринимать Колина — и никто не пытался с ним заговорить. Не то чтобы его это смущало. Во-первых, почти все они были месяцев на шесть-семь младше. И сплошь девушки. Колин подозревал, что по части жизненного опыта они не нашли бы с ним ничего общего. Со временем, как всегда, они сделают выводы. Честное слово, не стоило и беспокоиться.

И все же Колин признавал, что выглядел теперь исключительно мерзко. Левый глаз заплыл, а белок правого окрасился кровью. На лбу багровел свежий шов, кровоподтек свинцового цвета на правой скуле напоминал родимое

пятно. Картину довершали разбитые, опухшие губы. В чем он по-настоящему нуждался, так это в ледяном компрессе, и поскорее, если он хотел, чтобы однокурсницы на следующий день вообще могли сосредоточиться хоть на чем-то, кроме него. Колин решил, что будет действовать по порядку. Он умирал от голода. В последние два дня он почти не ел, а потому нуждался в быстром и по возможности не самом вредном перекусе. К сожалению, в это время суток большинство кафе уже закрылись, поэтому в конце концов он заехал в убогую придорожную закусочную, с решетками на окнах, пятнами сырости на стенах, ободранным линолеумом и сиденьями, заклеенными скотчем. Но плюс заключался в том, что другим посетителям в этой дыре было плевать, как он выглядел. Люди, которые заходят в такие забегаловки поздно вечером, знают, что не нужно лезть в чужие дела. Насколько Колин мог судить, одна половина клиентов пыталась протрезветь после вечерней пьянки, да и вторая — которой предстояло везти первую — тоже.

Здесь ничего не стоило вляпаться в неприятности. Свернув на усыпанную гравием парковку с Эваном на хвосте, Колин ожидал, что друг поедет дальше. Но, наверное, Эван подумал то же самое насчет возможных неприятностей. Лишь по одной причине он бы заглянул в такое заведение, особенно поздно вечером. Эван, в розовой рубашке, носках в яркую клетку, кожаных мокасинах, с аккуратно причесанными на пробор светлыми волосами, совершенно не походил на местную публику. С тем же успехом он мог повесить на свою «Тойоту» неоновый знак, гласивший, что цель хозяина машины — получить трепку от парней, которые большую часть вечера лакали спиртное.

Колин включил воду, смочил руки и провел ими по лицу. Вода была холодная — именно то, что нужно. Кожа горела. Моряк, с которым он дрался, бил гораздо сильнее, чем ожидал Колин — и это не считая запрещенных ударов, — но кто бы догадался с первого взгляда? Рослый, худой, стриженный почти наголо, с нелепыми бровями... Не следовало недооценивать этого парня. Колин сказал себе, что больше так

не ошибется. Иначе он до конца года будет пугать своих однокурсниц и испортит девочкам впечатление от колледжа. Он воображал, как они говорят по телефону: «Мам, в моей группе есть один жуткий тип, весь в синяках и татуировках, и я должна рядом с ним сидеть!»

Он стряхнул воду с рук и, выйдя из уборной, нашел Эвана за угловым столиком. В отличие от Колина, он-то в колледже чувствовал себя как рыба в воде. У него по-прежнему было детское личико, и, подойдя ближе, Колин задумался, сколько раз в неделю Эван бреется.

— Ты долго, — сказал Эван, когда он сел рядом. — Я думал, ты заблудился.

Колин прислонился к виниловой спинке.

— Надеюсь, ты не очень боялся, сидя тут один.

— Ха-ха.

— У меня к тебе вопрос.

— Валяй.

— Сколько раз в неделю ты бреешься?

Колин хлопнул глазами.

— Ты торчал в уборной десять минут и думал об этом?

— Нет, когда шел к столику.

Эван уставился на него.

— Я бреюсь каждое утро.

— Зачем?

— В смысле — зачем? А ты нет?

— Нет.

— Почему мы вообще заговорили о бритве?

— Потому что мне стало интересно, я спросил, а ты ответил, — объяснил Колин.

Не обращая внимания на выражение лица Эвана, он указал на меню.

— Ты передумал и решил сделать заказ?

Эван покачал головой.

— Ни за что.

— Ты вообще не будешь есть?

— Нет.

— У тебя гастрит?

— Я подозреваю, что в последний раз санинспекция тут побывала еще при Рейгане.

— Ну, все не так плохо.

— Ты видел здешнего повара?

Колин посмотрел в сторону стоявшего за стойкой гриля. Повар выглядел на все сто — длинные волосы, руки, покрытые татуировками, сальный фартук, туго обтягивавший огромное брюхо.

— Татухи у него классные.

— Ну надо же.

— Я говорю правду.

— Я в курсе. Ты всегда говоришь правду. В том-то и проблема.

— Почему?

— Потому что люди не всегда хотят ее слышать. Например, если твоя девушка спрашивает, толстая она или нет, нужно ответить, что она прекрасно выглядит.

— У меня нет девушки.

— Наверное, потому, что последней ты сказал, что она толстая, и забыл добавить, как прекрасно она выглядит.

— Все было не так.

— Но ты меня понял. Иногда надо... приукрашивать правду, чтобы ладить с другими.

— Зачем?

— Потому что так делают нормальные люди. Так живет общество. Нельзя говорить все, что придет в голову. Тогда окружающие нервничают или обижаются. Кстати, работодателям это тоже не нравится.

— Ну, допустим.

— Ты мне не веришь?

— Верю.

— Но тебе наплевать.

— Да.

— Потому что ты предпочтешь говорить правду.

— Да.

— Почему?

— Мне так проще.

Эван замолчал на минуту.

— Хотел бы и я так жить. Например, сказать моему боссу, что я думаю о нем на самом деле, не боясь последствий.

— Ты можешь высказаться. Но предпочитаешь молчать.

— А кто будет платить за меня по счетам?

— Это отговорка.

— Да, наверное, — пожал плечами Эван. — Но лично мне проще так. Иногда ложь необходима. Например, если бы я сказал, что видел под столом двух тараканов, пока ты был в туалете, ты, наверное, тоже не захотел бы здесь есть.

— Ты же знаешь, что не обязан оставаться, правда? Со мной ничего не случится.

— Это ты так думаешь.

— Позаботься лучше о себе. И потом, уже поздно. Ты разве не едешь завтра в Роли?

— Да, прямо с утра. В одиннадцать мы с родителями идем в церковь, потом обедаем. Но, в отличие от тебя, мне завтра утром несложно будет встать с постели. Кстати, выглядишь ты ужасно.

— Спасибо.

— Особенно глаз.

— Завтра отек спадет.

— Нет, другой. Кажется, лопнуло несколько сосудов. Ну или ты вампир.

— Я заметил.

Эван откинулся на спинку.

— Окажи мне услугу, хорошо? Завтра не показывайся соседям. Иначе они решат, что пришлось набить тебе морду за просроченную квартплату. Нехорошо, если пострадает моя репутация домовладельца.

Колин улыбнулся. Он был тяжелее Эвана как минимум на тридцать фунтов и частенько шутил, что если Эван когда-нибудь и заходил в спортзал, то исключительно с целью финансовой проверки.

— Обещаю, что не буду попадаться им на глаза.

— Спасибо.